

Вс Ленинград —
29 декабря 1989 года

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

МУЗЫКАНТЫ — профессионалы (в том числе критики) редко позволяют себе роскошь пойти на концерт «просто так» — послушать музыку; ходят на новое, необычное, на громкие имена. А уж если пошли «просто так», значит, захотелось отдышаться от ежедневной то-скливой лихорадки, и тогда лишь об одном просишь бога музыки: чтобы не были обмануты твои надежды утешиться и успокоиться.

С этим я и пришел в Малый зал Филармонии на концерт Ленинградского камерного оркестра под управлением Р. Мартынова. Программа концерта — Моцарт, Стравинский — как раз обещала покой и свет. И я получил то, за чем шел! Ре-мажорный дивертисмент и До-мажорная (Линцская) симфония Моцарта не только умиротворили и согрели, но и воодушевили. Они не только в стройности и ясности своей предстали передо мной, но и в яркости, праздничности, а этого я почти и не ожидал, памятуя, как сейчас играют Моцарта даже и самые прославленные оркестры и дирижеры: «в общих чертах», отнюдь не участвуя в музыке такт за тактом, одушевляясь разве что в кульминациях... И получается «Моцарт со спяны», как я для себя это называю: есть контур стиля, но отсутствует неповторимость отдельного сочинения, его лицо.

Не то было в описываемом концерте. Исполнители отличались на каждую подробность, каждый поворот музыкального действия, а их много у Моцарта, он, по моему, в любом своем творении — оперный гений! А играть участливо и не испытывать энтузиазма нельзя, энтузиазм есть и условие, и следствие той исполнительской манеры, которую я наблюдал у оркестра и дирижера.

Во втором отделении — музыка балета Стравинского «Аполлон Мусaget». Играют одни струнные инструменты. Все необыкновенно красиво! Я ведь и шел на Стравинского, чтобы насладиться красотой бессюжетного балета, красотой «аполлонического» — стройного, соразмерного, светлого (ему противоположность — «дионисийское», стихийное, темное). Да еще и в воплощении великого русского композитора! А это — наслаждение гармоничностью и чистотой. Они выражают себя в музыке Стравинского так же, как, например, в архитектуре новгородского храма Святой Софии. И опять — все получилось из того, на что надеялся.

Звучало стройно и чисто, с изысканной сдержанностью, с тонко прорисованными деталями. Сверила свое предназначение партия Стравинского вкупе с моцартовскими партиями: вы чувствовали, как

сходит с вас копать прожитого дня, как обретаете вы мир с самим собою и уже не страшно возвращаться в жизнь, уже укреплены вы и обнадужены...

Благодарим за это музыку, благодарим и ее исполнителей, прежде всего — дирижера Равиля Мартынова. Около десяти лет я заинтересованно слушаю его ленинградские концерты. Помню Высокую мессу Баха под его управлением (хор Академической капеллы, оркестр старинной и современной музыки) — это было явление высокого дирижерского профессионализма. Превосходно выступал Мартынов с заслуженным коллективом рес-

ного оркестра (бывший оркестр старинной и современной музыки). Когда шесть лет назад артист победил на V Всесоюзном конкурсе дирижеров, я был уверен, что наступил его «звездный час» (победа на таком же конкурсе некогда принесла Е. А. Мравинскому пост главного дирижера симфонического оркестра Ленинградской филармонии!). Спустя несколько сезонов мне подумалось, что свой «звездный час» Мартынов упустил!

А теперь вижу, что он делает лучшее из того, что предназначено ему музыкантской его судьбой. Мартынов — видный дирижер в Ленинграде и видный ленинградский

ПОДЛИННОСТЬ
ТАЛАНТА

публики Академическим симфоническим оркестром Филармонии — назову программу со Второй симфонией Бетховена и Третьим Бранденбургским концертом Баха — здесь чувствовалось уже и своеобразие, а именно сдержанность в сочетании с непритворным участием в жизни музыки. На открытии филармонического сезона 1982—1983 гг. Мартынов с успехом провел симфонию «Манфред» Чайковского, огромное и трудное сочинение, с которым, полагаю, не совладать на одном лишь профессионализме — без энтузиазма и без творческих идей.

Впрочем, это относится к абсолютному большинству классических сочинений, а Мартынов убедителен, дирижируя ими. Охотно общается он и с музыкой XX века. Из того, что довелось слышать у него, отмечу Четырнадцатую симфонию Шостаковича с Ленинградским камерным оркестром в Большом зале Филармонии, программу из сочинений Стравинского с оркестром Ленинградской консерватории в зале имени Глазунова, вечер одноактных спектаклей (Равель, Мийо) в Большом зале Консерватории.

А сколько переиграл он с разными оркестрами произведений ленинградских авторов, сколько провел премьер! Все и всегда делалось с полной артистической собранностью и без амбиций, во всем была подлинность таланта и мастерства. Когда он выходит к пульту — приземистый, чуть тяжеловатый, из дирижерских «звезд» напоминающий разве что японца Озаву, то ясно: в цене здесь может быть только талант.

Сегодня сорокатрехлетний Равиль Мартынов — руководитель Ленинградского камер-

дирижер. Это не одно и то же. Второе означает, что исполнитель служит ленинградской традиции, а она суть спокойное достоинство творческого поведения, отточенное мастерство, тонкая стилистичность, диалог с настоящим и прошлым.

Что ж, Мартынов — воспитанник ленинградской дирижерской школы, он и в Ленинградской, и в Московской консерваториях учился у тех, кто создавал эту школу, или многим обязан ей (разумею Н. С. Рабиновича, Л. М. Гинзбурга, Е. П. Кудрявцеву), стажировка у Е. А. Мравинского уже в зрелые годы завершила дело. Есть и еще одна личность, которая не могла не повлиять хотя бы в силу своей талантливости, — это Н. Г. Рахлин, выдающийся (и недооцененный) дирижер, бок о бок с которым Мартынов работал в Казани с местным симфоническим оркестром. Но даже если и не помнить о петербургской музыкальной родословной самого Рахлина, надо сказать, что яркая импульсивность рахлинского дирижирования вошла привлекающей и плодотворной частью в целостность того «ленинградского стиля», который, на мой взгляд, отличает Мартынова.

Мы сегодня много говорим о культурной среде города. Обратить слова признательности к одному из тех мастеров, благодаря которым она еще — или уже? — существует. Воздадим должное Равилу Мартынову, придя на концерт которого вы вспоминаете, что вы в Ленинграде, ибо для вас играют, к вам обращаются ленинградски.

Л. ГАККЕЛЬ,
доктор искусствоведения,
профессор